

«Реформа снизу» как метод формирования гуманитарной культуры

Выступление академика Б.М. Бим-Бада на XLIX Чтениях гуманитарного семинара в Риге (фрагмент)

Для того, чтобы понять, что и как практически, реально перенимает массовая школа у элитарной, нам есть смысл чуть-чуть присмотреться к особенностям этой элитарной школы в ее динамике, в ее истории, в ее развитии и ее сегодняшнем состоянии. Но поскольку это очень большая история, как мы уже обнаружили, она охватывает большую часть человеческой истории, за исключением лишь нескольких последних столетий, то мы целиком ее не успеем рассмотреть. Поэтому я предлагаю остановиться на ключевых моментах. Я хотел бы, чтобы вы почувствовали образование свободных людей, в свободной школе на примере только одном, но зато мы его чуть подробнее рассмотрим. Это пример подготовки к отправлению государственной должности императора всея Руси царя Польского, князя Финляндского и прочая, и прочая, и прочая, Его Императорского Величества Александра Николаевича II, Божьей милостью Императора Всероссийского.

Почему именно его? Потому, что из всего дома Романовых больше всех, системнее всех, дольше всех и эффективнее всех учили именно его буквально с 6-8 лет, так получилось.

Дело в том, что Николай Павлович, Николай I, российский император, которого в одно время в наших учебниках называли Николаем Палкиным, был на самом деле внимательным, умным, серьезным и ответственным не только лидером великой страны, не только участником управления мира, но и отцом одновременно любящим и нежным, требовательным и заботливым. Быть может, под влиянием бабки своей Екатерины II Великой, которая очень заботилась о воспитании Александра I, и если бы она этого не делала, то скорее всего и у Николая I ничего бы не получилось с обучением наследника престола... Но это очень долгий вопрос, под чьим влиянием он собрал очень рано великолепную команду. Мы бы назвали ее сегодня профессорско-педагогический состав.

Специальная школа, которая вошла в историю человечества под названием «La Petite Ecole» — «Малой школой» в Зимнем дворце, в которой училось целых три ученика — сам наследник, потом два его ровесника, один чуть постарше, другой помоложе, один чуть поталантливее от природы, быстрее схватывающий знания для того, чтобы Александр тянулся за ним, чтобы было куда расти.

Другой, наоборот, чуть помедленнее, чтобы Александр чувствовал, что он растет правильно и быстро. Так получилось, подбор учеников был гениальный. Но основная мудрость Николая I проявилась в том, что он поставил во главе этой беспрецедентной в человеческой истории школы человека удивительного и абсолютно гениального. Это был один из величайших русских поэтов, это был ученый, историк, филолог, этнограф, историк церкви, лингвист. Это был человек, обладавший колоссальным опытом обучения немецких княжен русскому языку. Я надеюсь, вы в курсе дела — все русские царицы и все их дети были не как в Китае — китайками, а были исключительно только немками. При этом настолько немками, что их приходилось очень серьезно учить русскому языку. А человек, о котором идет речь, исхитрился учить их весело, надежно. Все его уважали, двор его носил на руках, армия его боготворила, потому что он воспевал подвиги русских солдат. Это был человек, любимый целым народом и обладавший совершенно фантастическими талантами. Это была гордость нашего отечества — Василий Андреевич Жуковский.

Вы, наверное, знаете, что он был самым близким другом Пушкина. Он принял предложение двора возглавить обучение наследника, только договорившись с Пушкиным о том, что они исхитрятся так воспитать наследника, чтобы он, став царем, отменил бы крепостное право. И они этого добились. Вы помните строки Пушкина:

«Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

И вот эту программу Жуковский выполнил под постоянным наблюдением и при непосредственном участии А.С. Пушкина. Это был педагогический заговор, который полностью удался, когда не потребовалось ни переворота, ни захвата Зимнего дворца, ни экспроприации экспроприаторов для того, чтобы Россию сделать русским государством. Благодаря действию этой привилегированной школы подавляющее большинство населения России из рабов стало гражданами. Впервые империя стала государством русских людей, свободных людей. Разумеется, настоящие рабы воспринимали это как трагедию. На самом деле освобождение от рабства вещь страшная и ужасная. И Пушкин,

и Жуковский это понимали. Помните, у Чехова в «Вишневом саде» Фирс говорит: «Вот так же сова ухала перед бедой». Какой бедой? — его спрашивают. «Да перед волей». Для огромного большинства людей, выросших в рабстве, свобода — величайшее несчастье, страшная катастрофа, беда, крушение мира. В огромном количестве случаев освобожденные рабы начинают убивать друг друга осколками своих оков. Так было всегда в человеческой истории вплоть до XX века и даже до XXI века, потому что они не умеют иначе поддержать свое существование, как отняв у ближнего изо рта все, что он ест. Рабство — вещь чудовищная. Чтобы сделать Россию не такой отсталой, не с таким затянувшимся, не с таким варварским, не с таким азиатским рабством, для этого и трудился Жуковский и его бесценный друг и великий мыслитель А.С. Пушкин.

Но они бы ничего не сделали, если бы им не помог еще один их друг, величайший юрист в истории Европы, человек, собравший полный кодекс русских законов за всю историю существования Руси, человек, который направил на рельсы правовую жизнь нашего государства Российского и прилегающих районов. Тогда и для Лифляндии трудился этот гигант. Вы наверняка вспомните его имя, т.к. оно заслуживает вечной памяти. Когда Наполеон поговорил с ним всего час-другой, то подошел к Александру I и сказал — отдайте мне Сперанского, я вам за него пол-Европы прирежу. Михаил Михайлович Сперанский — гениальный человек, этнически польского происхождения, на самом деле подлинный русский патриот, он тоже участвовал в этом заговоре, в этой маленькой школе. Он вел у будущего императора правоведение, государствоведение, историю права, т.е. весь комплекс юридических дисциплин, очень много с ним работал. Александр II бесконечно был ему благодарен, осыпал его всякими милостями. К этому времени Николай I вернул его уже из ссылки, в которую его послал забоявшийся Карамзина и прочих крепостников Александр I, хотя Александр I дружил со Сперанским по-настоящему и всерьез. Дело в том, что не только Александр I, но и Павел думал о том, чтобы освободить крестьян. Александр I начал действовать в этом направлении, что немедленно поставило на дыбы крепостников, и они через Карамзина так напугали Александра I, что тот отрестился от Сперанского и сослал его в почетную ссылку в Сибирь губернатором разных сибирских губерний. Но к тому времени, о котором у нас идет речь, его снова вернули. Он снова был при дворе, снова был в чести, встречался с Пушкиным и Жуковским. История не запротоколировала их встречи, но по косвенным свидетельствам и по отдельным записям в дневниках Пушкина мы знаем, что обсуждался и наследник, и подготовка его даже не к коронации, а к тому, что в католической церкви называется конфирмацией. У Пушкина в дневниках много записей о том, что ожидалось от наследника и как он себя вел, как себя проявил.

Чему же учили в маленькой школе? Учили по строгому плану, который составил сам Василий Андреевич. Не с потолка взял, а потратив несколько лет на то, чтобы объездить Европу, полсвета и собрать все сведения об аристократическом воспитании, о подготовке принцев, освоив колоссальный пласт культуры, называемый воспитанием принцев, входящей еще к Древней Греции, к «Киропедии» Ксенофонта, когда тот описывал подготовку персидского царя Кира, его обучение, систему подготовки к власти, владению миром. Много веков спустя такие мыслители, как Эразм Роттердамский, внесли огромный вклад в культуру воспитания принцев, подготовке к власти. Жуковский изучил это все. Он изучил Ф. Фенелона с его бессмертными «Приключениями Телемака», где рассказывается о требованиях к государю новой эпохи XVII столетия. Характерно, что Пушкин читал параллельно Жуковскому то, что тот изучал при подготовке новой школы. Например, сохранился экземпляр книжки Ф. Фенелона «Приключения Телемака» с пометками Пушкина. А там очень много требований к подготовке государя. Он изучил шестнадцатитомный труд «Курс занятий по обучению принца Пармского», написанный для подготовки внука Людовика XV — инфанта дона Фердинанда, — совершенно гениальным философом Этьеном Бонно де Кондильяком. На самом деле это великая, очень тонкая, невероятно сложная культура, потому что надо не только влюбить будущего правителя в этот мир, но нужно научить его еще огромной осторожности и при этом способности властвовать, управлять, вести за собой и избегать серьезных ошибок. Только изучив все это, Жуковский... он очень много немцев, конечно, исследовал начала XIX столетия, там ведь тоже много было сделано для подготовки курфюрстов, он набросал план обучения и воспитания его императорского высочества, наследника русского престола князя Александра. И этот план, сохранившийся до сего дня, напечатанный и в полном собрании сочинений Жуковского, и в массе всяких хрестоматий, специально изучал Николай I и высочайше одобрил. «Быть по сему!» — значит на титуле этого плана.

С чего же начинали школу эти ученые мужи, готовящие будущего правителя мира?

Вы думаете, с религии, вы думаете со знания общества? Чтобы вы ни думали, они начинали (только не падайте в обморок) с законов физики! Оказывается, чтобы научиться уважать закон, ставить закон превыше всего, для того, чтобы рассматривать закон, по формулировке Гегеля, как «шестиве Бога по земле», чтобы всю жизнь поставить на основу закона, надо было научиться сначала понимать закономерность мира. Таковую закономерность, что всякое нарушение мирового закона немедленно наказывается самым трагическим, самым болезненным, самым чудовищным образом. Поэтому искусство царствовать начиналось с изу-

чения законов инерции, с законов гравитации, с законов химического соединения, с законов поведения всего живого. Естествознание лежало в основе подготовки царя. И только очень постепенно Жуковский переводил своего воспитанника к знакомству с устройством общества, к человековедению в широком плане. И в конце концов венчало его план понимание себя, своего «я». Сначала понимай мир с его законами, потом общество, а потом «я».

Надо сказать, что как материал учащиеся этой школы были совсем не сахар. Александр – наследник был и застенчив, и ленив, и очень серьезно пришлось с ним поработать не одному Жуковскому, а еще, страшно повезло, одному немцу Карлу Мердору, которого отец Николай заметил еще во время войны с Наполеоном в Германии. Удивительное это было существо – преданный невероятно, требовательный, терпеливый, бесконечно чистый человек. Мы ему очень многим обязаны. Он рано умер от раны. Но он был как бы дядькой Александра II. Подобралась удивительная команда и она справилась со всеми трудностями – и с чванливостью, и с неуместной горделивостью, и с кучей других вещей, и воспитала человека удивительно совестливого, чуткого.

Ведь чем закончилась школа Жуковского? Путешествием! Никакое образование, не только элитарное, но сколько-нибудь уважающее себя не может обойтись без путешествий. Это и между учебными годами и при окончании учебного заведения. И Жуковский, несмотря на старые годы свои, трясся по всей России по бездорожью без колеи. Вместе с наследниками объездил всю Россию. Как только наследник добрался до Сибири, где «во глубине руд» томились декабристы, он немедленно, а это явно под диктовку или под влиянием Жуковского, но во всяком случае собственной рукой написал письмо отцу о необходимости облегчить участь декабристов. Очень многих освободили, многим сняли кандалы.

Александр обожал благотворительность, и хитрый Жуковский немедленно этим воспользовался. Он долго думал, мы знаем это по дневниковым записям, за что же зацепиться, чтобы стимулировать Александра, чтобы он энергичнее учился. И, наконец, понял, за благотворительность... Значит, он подкупал своего наследника возможностью оказывать благодеяния. Вот будет семь пятаков, получишь столько-то денег на благотворительность. Сдашь экзамены... а экзамены сдавались кому? Императору, Николаю I и матушке царице Александре Федоровне, ну и вообще ученым людям России. Сдашь хорошо экзамены, сможешь сделать столько-то добрых дел, прямо таксу составил. Это было, конечно, ужасно, как если бы сегодняшний родитель платил бы нашему обычному школьнику деньги за хорошие отметки. Но Жуковский пошел по этому пути. Факт остается фактом. Оказывается, помогать страдающим, помогать несчастным, помогать людям в беде было для на-

следника настолько высшим наслаждением, что ради этой возможности он старался чрезвычайно. И действительно, эта поездка была поездкой великого благотворителя, очень много сделавшего даже по маршруту своего следования. Я уже не говорю о всем маршруте его последующей жизни.

Как учили царя, мы знаем не просто хорошо, не просто отлично... по минутам знаем. Что делалось на каждом уроке, что задавалось для самостоятельности и активности. Как и в чем постепенно проявлял себя наследник, осваивая новые предметы.

Друзья, это удивительная история, и глубоко закономерно, что, к великому сожалению, Пушкин не успел дожить до этого, что Александр, став императором, не испугался охоты на себя, не испугался ненависти, не испугался опасности для жизни, в конце концов пожертвовал ею для того, чтобы дать очень мощный стимул развитию отечества, освободить крестьян.

А следующая реформа после освобождения крестьян, непосредственно за ней идущая, была реформа образования, потому что для Александра II это была предпосылка и для других реформ – судебной, военной и коммерческой, и управленческой и всякой иной. Он справедливо вошел в историю как царь-реформатор. Ведь полный его титул – царь-освободитель и реформатор.

Оказывается, человека можно программировать, человека можно формировать, человека можно подвигнуть на немыслимые подвиги, если быть при этом природо-сообразным ему, считаться с особенностями данного ребенка и человека вообще, и давать культуру серьезную и глубокую. Когда-то Аристотель очень точно сказал – если образование неглубоко проникло в человека, оно не дает хороших всходов, а иногда бывает и вредным. Добавлю уже от себя, я не цитирую Аристотеля, я его комментирую. Дело в том, что человек необразованный знает, что он необразованный и поэтому не задирает нос и не считает себя судьей всего на свете. А человек чуть-чуть образованный, но не глубоко, наоборот, позволяет себе самомнение. И это очень опасно. Так вот Аристотель говорил, что образование должно достигнуть большой глубины в человеческой душе для того, чтобы дать серьезный всход. Полуобразованность хуже образованности.

Такие школы, готовившие властителей, существовали в аристократической Европе. Мы знаем, что постепенно с нарастающей скоростью аристократия сходит с исторической арены и уступает место сначала аристократии денег, к сожалению, совсем другого качества и запаха аристократии. И только в наше время она начинает сменяться аристократией духа, когда в нашу эпоху знания приобретают настолько большое значение, что уже не деньги ведут к власти над миром, а начинается власть знания. Но это знания в том глубоком аристотелевском смысле.